

Инь Чуань пришел в бильярдную, уловив знакомый запах.

Две стеклянные двери подвала были распахнуты настежь, а у входа стояла табличка с надписью «Временно не работаем». Его названные братья сидели тесным кружком, каждый на маленьком складном стульчике, с банками ледяного пива в руках, оживленно болтая и уплетая шашлычки.

Он не мог удержаться — то ли проснулся аппетит к подобной еде, то ли заговорило детское любопытство, тянувшее попробовать то, чего он никогда раньше не делал. В конце концов, в семье Инь существовало строгое меню, и всё, что в него входило, окружало его с самого рождения.

Какая еда полезна, а какая — мусор.

Что неприлично подавать к столу, а что считается высшим классом.

Какие книги следует читать, а какие — ни в коем случае.

Уголки губ Инь Чуаня изогнулись в насмешливой улыбке — он издевался над самим собой за то, что вновь без всякой причины вспомнил об этом.

— Эй! Чуань-эр, иди сюда!

Ци Тянь заметил его первым и взмахнул рукой, следом за ним подтянулись Сяо Цзе и Цзя Юй.

Поздоровавшись с братьями, Инь Чуань направился напрямик к холодильнику и по давно заведенной привычке достал оттуда бутылку ледяного пива.

Ци Тянь крикнул из-за стола:

— Ты посмотри на него! Обжора, сказал бы заранее, мы бы заказали побольше палочек. Гляньте, гляньте, сколько этот паршивец умял!

Излишние церемонии с братьями были ни к чему, поэтому он просто откупорил пиво и устроился рядом с Сяо Цзе.

— От него разит, — бросил Инь Чуань.

Он принялся шустро стягивать мясо с бамбуковых шпажек и, выкроив секунду, бросил косой взгляд на пятого, сидевшего напротив:

— Я с ним спать не буду.

— Воняет от его грязных лап.

— Ладно вам, ладно, — Сяо Цзе с улыбкой сквозь слезы разнял двух готовых вцепиться друг другу в глотки младших. — Ешьте нормально. Пятый, не ори так громко, вечно ты к Сяо Чуаню цепляешься.

Ци Тянь презрительно фыркнул.

Цзя Юй толкнул Инь Чуаня локтем, с любопытством в глазах:

— Почему не хочешь?

Сяо Цзе велел ему пить поменьше, опасаясь, что от этого разболится желудок.

— Звони-ка прямо сейчас директору Ли, — Сяо Цзе протянул Инь Чуаню чистые палочки и одноразовую тарелку, обращаясь к Ци Тяню. — Пятый, набирай давай, пусть захватят еще тридцать шашлычков из баранины и закуску.

— Угу, — откликнулся Ци Тянь и полез в карман за телефоном.

— Чего это обязательно звонить? — Инь Чуань отправил в рот попавший под руку шашлык. Тон его был равнодушным, чуть капризным.

Инь Чуань попробовал каждое блюдо на столе, а затем принялся за ледяное пиво.

Сяо Цзе покосился на него с невероятно мягким выражением во взгляде:

— Чего не предупредил, что приедешь?

Сяо Цзе тут же отвесил ему подзатыльник:

— Не мели чушь.

— Да брось ты! — Ци Тянь сделал вид, что собирается скинуть ботинок. — Это ты распустил слухи, будто у меня воняют ноги! Идите сюда, все сюда! Понюхайте-ка, где тут воняет?

— Я? — Ци Тянь ткнул себя в грудь и оскорбленно забормотал: — Старший, ну ты и предвзят.

Инь Чуань дал понять, что ему всё равно, и непринужденно бросил:

— Они сегодня не вернутся.

— Как знают, главное, чтобы ты был доволен, — Сяо Цзе проявил себя настоящим старшим братом, никогда не вдаваясь в лишние нравоучения. — Посидишь сегодня здесь подольше, а если будет слишком поздно возвращаться, можешь заночевать у пятого.

Цзя Юй рассмеялся, явно желая подлить масла в огонь:

— Каким это ароматом?

Цзя Юй и Сяо Цзе рассмеялись оба.

Ци Тянь безмолвно скривил губы, свирепо уставившись на жестоко ухмыляющегося Инь Чуаня, и демонстративно погрозил ему кулаком.

Инь Чуань в ответ показал ему средний палец.

В ту ночь Инь Чуань всё же не остался ночевать у братьев: третий брат уговаривал его несколько раз, но он покачал головой: «Дома всё еще ждет тетушка».

Сяо Цзе и Цзя Юй вышли проводить его, а напившийся пятый уже видел десятый сон.

Трое стояли на краю дороги, образовав треугольник, и разговор — никто и не заметил, кто именно начал, — сам собой перешел на Шао Лихуэя.

— Он редко появляется в компании, я вижу его нечасто, да и Шао Юймин особо его не контролирует, — произнес Инь Чуань. На его лице промелькнуло особенное выражение — чуть высокомерное, неуловимое.

Цзя Юй проявил к этой теме живейший интерес и тут же спросил:

— Куда он обычно ходит?

Поразмыслив, Инь Чуань ответил:

— В те места, где можно развлечься. Чаще всего бывает в частных клубах, постоянно

устраивает там вечеринки для друзей. А остальное я пока толком не знаю.

Услышав это, Цзя Юй нахмурился еще сильнее и с тяжелым вздохом произнес:

— Как же он изменился.

— Всё-таки столько лет прошло, и обстановка совсем другая, — вовремя подхватил мысль Сяо Цзе. Он чуть подался к Инь Чуаню, сменив тон на более мягкий: — Сяо Чуань, пятый говорил, что ты работаешь при самом председателе. Наверное, тяжело приходится?

— Не тяжело, — Инь Чуань легко улыблся, будто вспомнив что-то забавное. — Скорее, ему самому приходится несладко.

Сяо Цзе с любопытством склонил голову набок:

— В каком смысле?

Инь Чуань загадочно улыбнулся, напоминая шутника:

— Старший, у меня такое чувство, что у него склонность к мазохизму. Я так над ним измываюсь, а он до сих пор меня не уволил.

— Ха-ха-ха!

Сяо Цзе и Цзя Юй рассмеялись в один голос, синхронно откинувшись назад.

Инь Чуань тоже усмехнулся:

— Я и сам не ожидал, что останусь при председателе. Планы меняются быстрее, чем кажется, так что раз уж всё зашло так далеко, буду действовать по обстановке.

— Если неумогу — бросай, — Цзя Юй хлопнул его по плечу, а в его отводящих взгляд глазах промелькнула тень готовности отступить.

— Третий, я уже вышел на работу, поздно теперь говорить бросай, — Инь Чуань пожал плечами. — Я поищу другой момент, а вы двое перестаньте за меня переживать.

— Сяо Чуань, а когда ты планируешь съехать? — неожиданно сменил тему Сяо Цзе. — Кварту тебе уже отремонтировали, гостиную и комнату твоего деда трогать не стали.

Инь Чуань ответил:

— На днях.

Цзя Юй вставил слово:

— Если понадобится помощь с переездом, свистни. Мы с пятым в последнее время свободны.

Инь Чуань улыбнулся:

— Всего один чемодан, сам справлюсь.

Родители Инь Чуаня вернулись в сыхэюань на следующий вечер.

Супруги немного передохнули, набрались сил и сразу же вызвали Инь Чуаня на разговор.

Два великих интеллектуала сидели рядышком на диване. Перейдя сразу к делу, они поинтересовались, где сын пропал прошлой ночью и почему вернулся заноза-в-ночь.

Бросив взгляд на тетюшку, которая как раз подливала отцу чай, Инь Чуань всё понял и заранее заготовленным тоном произнес:

— Вчера я задержался на работе сверхурочно, а перед уходом председатель внезапно велел мне сопровождать его на деловой встрече. Сказал, что это часть моих обязанностей.

Мать посмотрела на него строгим, чужим взглядом:

— Пил?

— Чуть-чуть.

— Что пил?

— Красное вино.

Мать умолкла: судя по всему, этот ответ укладывался в рамки ее дозволенного.

Супруг легко похлопал ее по тыльной стороне ладони и произнес:

— Инь Чуань уже официально вышел в общество, некоторой неизбежности не избежать. Главное — держаться с достоинством. Думаю, стоит нанять учителя, который обучит его винной культуре.

Жалования супруга она ответила с серьезным видом:

— Хорошо, я всё устрою.

— Папа, мама, — Инь Чуань прервал их беседу, мгновенно переключив внимание на себя. Он слегка кивнул обоим: — Я бы хотел попросить вашего согласия на одну вещь.

Отец отпил чаю и спросил:

— На какую?

Улыбка Инь Чуаня была выверена до предела приличий:

— Ради эффективности работы я бы хотел переехать жить в Ванцзин. Оттуда будет не только ближе до офиса, но и удобнее добираться до университета.

Услышав это, родители переглянулись, обменявшись быстрым взглядом.

Мать произнесла:

— Я должна обсудить это с твоим отцом, прежде чем дать тебе ответ.

Инь Чуань ничуть не удивился:

— Хорошо.

Как водится в подобных случаях, супруги удалились для обсуждения в кабинет, даже не прикрыв дверь — они несколько не боялись, что их кто-то услышит.

Инь Чуань доносились обрывки фраз вроде: «С чего это у него возникли такие мысли», «Возможно, это и неплохо», «Теперь он помощник председателя», «У него гибкий график» и тому подобная бессмыслица.

Слушать дальше ему не хотелось. Он плотно закрыл дверь своей спальни и принялся в

одиночку собирать вещи.

Взять с собой на первое время было особо нечего: несколько комплектов одежды, пара книг, остатки снеков.

Инь Чуань быстро управился, но когда в комнате воцарилась тишина, глухие звуки снаружи всё равно долетали до него. Тогда он просто натянул наушники, включил поп-музыку и, откинувшись спиной к изголовью кровати, расслабился, под бодрые ритмы встречая свою сиротливую бессонницу.

Перед ним выстроился ряд резных шкафов из красного дерева. На них красовались скрипка и старинный патефон, а на стене висели черные виниловые пластинки с классической музыкой. Каждое утро, стоило ему открыть глаза и приподняться на постели, он упирался в них взглядом. От долгого созерцания его начинало тошнить.

С самого раннего возраста, едва научившись говорить, родители подвергали его элитарному воспитанию: выбор книг, выбор музыки, круг общения. Книги — исключительно классика, дети — только из приличных кругов, а вульгарные сверстники для них были не лучше тараканов.

Всю школьную пору Инь Чуаня можно было назвать отрешенной от людей. Он смотрел на одноклассников издалека, словно через длинную, извилистую, темную дорогу. На нем стояло клеймо вечного одиночества изгоя, и лишь после встречи с Сяо Цзе и остальными это клеймо стало понемногу стираться.

Преступник в тюрьме надевает кандалы осознанно, уже совершив злодеяние, а он носил их с самого рождения. Он жаждал вырваться, жаждал до безумия...

Он не был разочарован в себе. Пережив столько бессонных ночей и стерпев столько унижений, он преодолел жадность и трусость лишь затем, чтобы крепко сжать собственную судьбу в кулаке.

Проведя остаток ночи в снах.

Ранним утром океан вернулся на свое место, и жизнь продолжалась.

Закончив утренние процедуры, Инь Чуань вышел из комнаты и направился в столовую к совместному с родителями завтраку.

Супруги дали добро. Они разрешили ему съехать, преподнеся это решение так, будто оглашали судебный приговор.

Ответ не стал сюрпризом: Инь Чуань носил свои кандалы столько лет, что изучил их вдоль и поперек, и теперь мог с закрытыми глазами указать место каждой микроскопической царапины на них.

— Спасибо, папа. Спасибо, мама, — его голос был легче птичьего пера.

Мать произнесла:

— Я сама подыщу тебе жилье.

Инь Чуань поднял голову и спокойно посмотрел на них:

— У меня уже есть где жить.

Лицо матери мгновенно переменялось, выразив недоверие и недовольство.

— Компания предоставила, — продолжил Инь Чуань. — Я всё-таки помощник председателя, мой рабочий график непредсказуем.

Услышав, что на том настаивала компания, мать слегка смягчилась в лице.

Отец отложил iPad, отпил глоток утреннего чая и ровным голосом произнес:

— Знай я заранее, не стали бы продавать дом твоего деда. Раньше Ванцзин был глушью, но в последние годы неплохо развился, многие известные компании перебазировались туда. Если память мне не изменяет, штаб-квартира Группы Жуйшэн тоже переехала туда из Международного торгового центра.

Инь Чуань молча уплетал завтрак, не поддерживая разговор.

Он вспомнил, как в детстве постоянно слышал, как бабушка с дедушкой унижали этим фактом деда по материнской линии — мол, те деревенщины просто погрелись в лучах столичного света.

Дедушка даже специально просвещал его: а знаешь, почему он зовется Ванцзин? Потому что оттуда смотрят на столицу.

И тем не менее, даже будучи презируемой, его мать поддерживала с родней мужа самые теплые отношения, поскольку они были людьми одного поля ягоды.

Заведя разговор на эту тему, отец неожиданно спросил:

— Кому продали дом?

Мать на мгновение задумалась — на вещи, не имевшие для нее значения, она никогда не тратила умственные силы и время, а потому ответила небрежно:

— Поручила всё агенту и адвокату.

<http://bllate.org/book/18662/1799455>